

В этой улыбке крылась завораживающая сила. Лю Юю и раньше доводилось видеть пресловутые «три части насмешки, четыре — небрежности», но вот коктейль из «пяти частей кокетства и пяти частей кротости» он наблюдал впервые. Кротости? От собственного сравнения его аж передернуло.

Потрясенный Лю Юй уходил ватной походкой, совершенно не подозревая, что стоило ему повернуться спиной, как улыбка на лице Ли Сяньфу мгновенно растаяла.

Избавившись от назойливого гостя, он посмотрел в окно. Льющийся серебряной рекой лунный свет пробудил в нем желание сыграть на цине. Прекрасный вечер, восхитительный пейзаж — жаль только, хорошего инструмента под рукой не оказалось.

До своего перемещения Ли Сяньфу тратил все присылаемые семьей деньги подчистую. А теперь, когда он вернулся, на его карте после покупки авиабилета остались сущие крохи. Приличный цинь стоил недешево. Учитывая его богатое прошлое и желание родных пресечь любые новые безумства, Семья Ли в ближайшее время наверняка будет строго контролировать его карманные расходы.

Ли Сяньфу закрыл дверь, и при виде Чжао Кая у него созрел план.

Сначала он подал знак Ли Шаше и тихо шепнул ему несколько слов.

Ли Шаша побежал включать телевизор и, обняв пульт, принялся искать что-нибудь интересное в каталоге. Похоже, сказывалось детство за границей — Чжао Кай заметил, что мальчик выбирал исключительно среди зарубежных фильмов.

— Брат Чжао, — неожиданно заговорил Ли Сяньфу.

Тот натянуто усмехнулся:

— Молодой господин, не стоит меня так называть, я этого не заслуживаю.

— Да в какие времена мы живем, чтобы делить людей на господ и слуг.

Обращение «молодой господин» поначалу было шутливым. Ли Сяньфу помнил, как в детстве окружающие ласково звали его Сяньфу. Но после того как он раз за разом влипал в неприятности, за его спиной все чаще стали вздыхать: «Ну, это же младший молодой господин Семьи Ли, будьте к нему снисходительны».

Со временем это обращение прочно к нему приклеилось.

Ли Сяньфу самокритично усмехнулся:

— Так что зови меня просто по имени, так приятнее для слуха.

Чжао Кай с трудом выдавил из себя «Сяньфу», интуитивно чувствуя: если тот ни с того ни с сего завел с ним разговор, добра не жди.

Но Ли Сяньфу лишь обронил пустяковое:

— Спасибо, что встретил меня сегодня.

Чжао Кай выдавал дежурные вежливые фразы, и беседа зашла в тупик. На какое-то время просторную гостиную заполнил лишь шум работающего телевизора.

Чтобы не затягивать неловкую паузу, Чжао Кай решил вежливо попрощаться — раз уж Лю Юй ушел, Ли Сянфу вряд ли натворит глупостей прямо сейчас. Пока он подбирал нужные слова, его взгляд невольно приковал сюжет фильма на экране.

В темном подвале туго связанный пленник корчился на полу от безжалостных пинков. Похититель — молодой привлекательный мужчина — выпытывал у него мельчайшие подробности его прошлой жизни. Выведав все необходимое, он вырвал у жертвы несколько волосков, вернулся в роскошный особняк и намеренно намотал их на расческу.

Страхнув с рук воду, злодей поднял взгляд и краем глаза заметил в отражении зеркала край чьей-то одежды.

Он медленно расплылся в улыбке, вытащил из кармана нож, бросился вперед и схватил пытавшегося сбежать старого дворецкого. С его утонченного лица слетела маска вежливости, обнажив свирепый оскал:

— Так я и думал... Ты все-таки начал сомневаться в том, кто я.

На экране замелькали кадры воспоминаний: настоящий наследник богатого семейства несколько лет назад сбежал с возлюбленным. Но тот оказался коварным типом. Он запер юношу под замок, сделал пластическую операцию, чтобы стать его копией, и в подходящий момент вернулся в отчий дом под видом блудного сына.

Тяжелобольной отец безумно обрадовался возвращению «наследника», и лишь старый дворецкий, прослуживший в доме не один десяток лет, почуял неладное.

Фильм был зарубежным, и сцены насилия в нем выглядели пугающе натуралистично.

Взмах руки — и кинжал вонзился в тело старика. Брызнула кровь.

— О-о-ох! — истошно закричал старик, зажимая рану на боку.

У Чжао Кая от этого зрелища аж почки заломило, и он невольно вздрогнул.

— А-а-а!

Очередной удар.

Лицо Чжао Кая сделалось совсем бледным.

Некоторые мысли лучше было гнать от себя. К примеру, Чжао Кай отчетливо помнил, что у Ли Сянфу раньше не было родинки возле глаза. А сейчас у самого края ресниц красовалась крошечная точка, придававшая его взгляду особое очарование.

Неужели ребенок специально выбрал именно это кино, чтобы подать сигнал о помощи?

Ли Сянфу вдруг поднялся с места:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, мне уже пора... — начал было Чжао Кай.

Но Ли Сянфу не дал ему отказаться, направившись на кухню:

— Сок или что-нибудь покрепче?

Кожу на шее Чжао Кая припорошило мурашками — ему показалось, будто к горлу приставили ледяное лезвие. Он побоялся делать резкие движения, чтобы ненароком не разозлить собеседника и не схлопотать нож под ребра.

— Водки, — с трудом сглотнув, выдавил он. — И льда.

Сейчас ему до смерти требовалось что-то крепкое для храбрости.

Наблюдая за тем, как Ли Сянфу молча колет лед, Чжао Кай повернулся к Ли Шаше, надеясь переброситься с ним парой слов. Мальчик заговорщически прищурился и прошептал:

— Папа на нас смотрит.

Чжао Кай оцепенел. Он медленно повернул голову и увидел, как Ли Сянфу с едва заметной усмешкой поигрывает в руке поблескивающим шилом для льда.

Кое-как натянув улыбку, Чжао Кай попытался разрядить обстановку:

— Много льда не нужно.

— Хорошо, — его голос звучал сладко, как спелый персик, вот только не был ли этот персик отравлен?

От этой улыбки по спине Чжао Кая пробежал мороз. Отбросив всякие сомнения, он быстро набрал сообщение боссу: «Чрезвычайная ситуация. Пожалуйста, возвращайтесь как можно скорее».

Звонок последовал незамедлительно. Сухой, недовольный голос в трубке спросил:

— Что он опять натворил?

Как назло, в этот момент подошел Ли Сянфу с бокалом в руке. Чжао Кай не мог говорить открыто, поэтому лишь невнятно промычал что-то в ответ. К счастью, его начальник оказался сообразительным человеком и не стал расспрашивать по телефону. По его тону стало ясно — он едет обратно.

От облегчения Чжао Кай едва не прослезился.

Тем временем фильм на перемотке подошел к концу. Мальчик молча вернул запись на начало и запустил заново. Чжао Кай утвердился во мнении: это точно крик о помощи.

Ли Сянфу поставил бокал и зашел за спинку дивана. Чжао Кай тут же напрягся и, изо всех сил стараясь не дрожать, достал зажигалку и подошел к окну, делая вид, что хочет закурить.

— У нас не курят, — Ли Сянфу слегка нахмурил красивые брови и погрозил пальцем. — Ребенку вредно дышать этим дымом.

За панорамным окном раздался шорох шин по гравию. Чжао Кай сразу узнал машину босса. При виде яркого света фар в его голове пронеслась единственная мысль: «Спасен!»

Дверь распахнулась, впуслав в дом ночную прохладу.

Вошедший мужчина держался с непоколебимым достоинством. Его аура разительно отличалась от манер Ли Сяньфу. Будучи старшим сыном в семье, Ли Хуайчэнь обладал мощной харизмой — даже в толпе одного его присутствия было достаточно, чтобы приковать к себе все взгляды.

При виде непутевого младшего брата он сощурился и небрежно бросил ключи на тумбочку. Впрочем, его реакция оказалась далеко не такой бурной, как у Чжао Кая при первой встрече с Ли Сяньфу.

Чжао Кай подошел поближе к начальнику и, негромко кашлянув, глазами указал на Ли Шашу.

Ли Хуайчэнь с каменным лицом произнес:

— Вижу, ты времени зря не терял.

Этот несносный парень в прошлом натворил столько глупостей и так часто балансировал на грани выживания, что даже внезапное появление ребенка никого не удивило.

Больше он не проронил ни слова. Каким бы холодным ни был Ли Хуайчэнь, он все же понимал, что при ребенке подобные темы обсуждать не стоит.

Опасаясь, что едва разрядившаяся обстановка снова накалится из-за разговоров об усыновлении, Чжао Кай отчаянно замигал глазами, надеясь, что не знающий удержу молодой господин прекратит городить эту нелепую ложь.

К несчастью, Ли Шаша сам подал голос:

— Меня усыновили.

Будучи, по сути, посторонним человеком, Чжао Кай из кожи вон лез, чтобы перевести тему:

— Сяньфу так сильно изменился! Я сегодня в аэропорту его едва узнал.

Особое ударение он сделал на слове «изменился».

Тем временем Ли Шаша снова уставился в экран, где как раз повторялась сцена убийства дворецкого.

— А-а-а!

Этот вопль отозвался болью в груди Чжао Кая. Он отчаянно надеялся, что шеф сам все поймет. Ведь не мог же он прямо заявить: «Я подозреваю, что ваш брат — самозванец».

В гостиной воцарилась тишина. Трое взрослых и ребенок молча смотрели на экран.

Спустя некоторое время Ли Сяньфу поднялся, чтобы отойти в уборную. Проходя мимо Ли Хуайчэня, он небрежно запустил пальцы в свои длинные волосы, зачесывая их назад, и многозначительно подмигнул. Его взгляд буквально кричал:

— Посмотри на эти волосы — какие они черные и блестящие.

Возвращаясь назад, он словно невзначай коснулся пальцами холодной тыльной стороны ладони брата:

— Погляди на эти вены — тонкие и отчетливые.

Его намеки, похоже, возымели действие. Тонкие губы Ли Хуайчэня дрогнули, и он произнес именно то, чего от него ждали:

— Ты слишком сильно изменился за время своего отсутствия. Настолько, что едва похож на моего брата.

Немного помолчав, он добавил:

— Выяснять твои перемещения за границей сейчас слишком долго. Проще и надежнее всего сразу сделать тест ДНК.

Стоявший рядом Чжао Кай похолодел от ужаса. Зачем же говорить об этом так прямо? А если перед ними и правда двойник? Вдруг он разозлится и решит избавиться от свидетелей?

На лице Ли Сяньфу и впрямь отразилось глубокое недовольство:

— К чему эти оскорбления?

<http://bllate.org/book/18300/1754401>